

говременному союзу, предлагая новые и новые формы взаимосвязи между ними.

Повышенная авторская активность дает о себе знать прежде всего в той особой «плотности», которым отличается реализм Леонова. В леоновском образе каждая частная деталь непосредственно устремлена к типическому обобщению. Имея в виду это качество реализма писателя, А. Воронский прозорливо отметил в свое время, что «сила таланта Леонова в способности видеть типических живых людей. Леонов видит не живых людей вообще, а именно типических»<sup>13</sup>. К этому следует добавить, что типичность леоновского образа обнаруживает одновременно с родовой принадлежностью предмета изображения также его принадлежность к определенному типу нравственных явлений.

«Жизнь здесь течет крутая и суровая. В безвыходных каменных щелях дома в обрез набилось разного народа, всех видов и ремесел: копеечное бессловесное племя, мелкая муравьиная родня. Окна в дому крохотные, цепко держат тепло. Голуби живут в навесах, прыгают оравами воробьи. Городские шумы и трески не заходят сюда, зарядцы уважают чистоту тишины. Глухо и торжественно, как под водами большой реки. Только голубей семейственная воркотня, только повизгивающий плач шарманки, только вечерний благовест. Тихо и снежно. Жизнь здесь похожа на медленное колесо, но все спицы порознь»<sup>14</sup>. Это описание купеческого дома в романе «Барсуки». Каждая деталь, зримо воссоздающая внешне характерный, индивидуальный облик изображаемого, тяготеет к тому, чтобы сложиться в родовой портрет Зарядья, содержащий в себе оценку с нравственной стороны (зарядьевская жизнь неподвижна — «городские шумы и трески не заходят сюда»; жестока — щели дома «безвыходные», окна держат тепло «цепко»; неласкова к ремесленному люду — «копеечное бессловесное племя, мелкая муравьиная родня»). Устремленность частной детали к общему поддерживается авторскими определениями, которые обрамляют описание и прямо вводят его в нравственно-типологический ряд: «Жизнь здесь течет крутая и суровая» и «Жизнь здесь похожа на медленное колесо, только все спицы порознь».

Образы особой «плотности», заключающие в себе наиболее важные для автора идеи, приобретают у Леонова значение символа. Сама двудеиная природа символа, позволяющая частное делать выражением общезначимого на предельном для сохранения целостного единства смысловом натяжении, близка структуре леоновского образа.

Образы, исполненные символического звучания, появляются в том же романе «Барсуки», первом крупном произведении Леонова, и впоследствии получают исключительное развитие в его творчестве. Таков образ Зинкина луга, который автор делает воплощением идеи Родины.

«А был обширен и обилён Зинкин луг, четырёхста пятьдесят десятин, на все четыре стороны вид: небо. Обтекала его Мочиловка, непересыхающая, родниковая, питающаяся из дальних, за Ворами, болот. Место поемное, а над ним солнце ходит знойное и неистовое. Отсюда в покосы бывает на Зинкином лугу дикая от цветов пестрота, слабому глазу глядеть нестерпимо. Мутит голову парное цветочное дыхание, слабого может даже и убить»<sup>15</sup>. Действительные качества предмета изображения (луг «обширен и обилён», буйно цветет, потому что поит его родниковая речка) в русле авторской идеи обретают второе смысловое дыхание. Зинкин луг — земля Родины, к которой приникают в трудный час леоновские герои, чтобы вывернуть истинность своего пути в жизни. И потому, уже как источник нравственной силы, Зинкин луг так «обширен и обилён», и потому питающая его речка «родниковая» и «непересыхающая», и потому

<sup>13</sup> Воронский А. К. Литературные типы. М., «Круг», 1926, с. 28.

<sup>14</sup> Леонов Л. Барсуки. Л., Госиздат, 1925, с. 17.

<sup>15</sup> Там же, с. 120.